

ЗАКУЛИСЬЕ ВОЙНЫ

Штрафники, заградотряды, трудовые армии

XX военные
тайны
века

В.А. Рунов

Военные тайны XX века

Валентин Рунов

**Закулисье войны. Штрафники,
заградотряды, трудовые армии**

«ВЕЧЕ»

2017

Рунов В. А.

Закулисье войны. Штрафники, заградотряды, трудовые армии /
В. А. Рунов — «ВЕЧЕ», 2017 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-4444-9163-8

В книге на основании архивных документов и разработок кафедр военных академий рассмотрен ряд недостаточно изученных моментов истории Великой Отечественной войны. Многие из них, будучи напрямую не связанными с операциями, проводимыми войсками на фронтах, в то же время существенно влияли на общий ход вооруженной борьбы и жизнь народов в условиях войны. Рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-4444-9163-8

© Рунов В. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Введение	6
Эвакуация тюрем	8
ГУЛАГ в годы войны	16
Штрафные формирования в РККА	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валентин Рунов
Закулисье войны. Штрафники,
заградотряды, трудовые армии

© Рунов В.А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Введение

Мы привыкли к тому, что война главным образом заключается в противоборстве армий на фронтах и работе разведчиков и партизан в ближайшем прифронтовом тылу. Но на самом деле война более широкое явление, которое затрагивает все стороны общественной жизни и имеет самые различные проявления. Она характеризуется особым состоянием общества воюющих стран, жизнь которого временно начинает строиться совсем по другим законам, чем в условиях мирного времени. Это выражается, прежде всего, в мобилизации общества, в ограничении свобод граждан, в принуждении их к дополнительному и безвозмездному труду, в повышении карательных функций государства и многом другом.

Сегодня, в условиях мира, стало модным рассуждать о свободах граждан, об их правах, о гуманности к ним со стороны государства. Но при этом мало кто задумывается о том, как все это будет выглядеть в случае войны, когда на кон будет поставлено существование самого государства? Вероятно, тогда о многом из того, что казалось крайне важным в мирное время, придется забыть. Во время войн государство всегда требовало от своих граждан жертв и терпения к всевозможным лишениям, взамен предоставляя только одно право – умереть за свою страну. Всякий отказ и уклонения от подобного рода обязанностей карались очень жестоко. И это было свойственно не какому-то конкретному государству, а всем странам без исключения.

Другой вопрос – как в условиях ведения войны государство должно вести себя со своими гражданами? Даже в этих условиях общество продолжало оставаться неоднородным – в нем встречались как патриоты, так и недовольные, как законопослушные, так и преступники, как полезные труженики, так и бесполезные с точки зрения производства люди. И если в мирное время все они «незаметно» растворялись в огромной человеческой массе, то с началом войны индивидуальность каждого человека начинала проявляться более ярко. Появились предатели, пособники врага, паникеры, отчаявшиеся... С каждым из этих людей нужно было разбираться отдельно, на что не было ни сил, ни времени. Поэтому государству оставалось одно – выявлять и карать.

Но как поступать с людьми, уже нарушившими закон и отбывающими наказание в тюрьмах и лагерях? Пересматривать в срочном порядке дело каждого, не имея для этого ни сил, ни времени, ни, главное, – оснований? А если эти люди содержатся в местах, которые находятся под угрозой оккупации противником?

Третий вопрос – обеспечение должной боеспособности армии. С началом войны по мобилизации под ружье ставятся миллионы граждан, не привыкших не то что к смертельному риску, но и к элементарной воинской дисциплине. Среди них немало откровенных трусов и психически неуравновешенных людей. Как заставить их выполнять приказы, рискуя своим здоровьем и самой жизнью? А без этого достижение победы в бою невозможно. И опять государство должно брать на себя решение этого вопроса.

Но это только внутренние проблемы, имеется много и внешних. Главная из них – выявление и отношения с союзниками. Мировой историей доказано, что ни одна война не возникает без прямого или косвенного участия третьих стран. И, как правило, это участие не бескорыстное. Так возникают большие политические игры. Большая политическая игра по площади намного превышает размеры поля любого сражения, а по времени она всегда выходит далеко за временные рамки любой войны. И любое государство вынуждено считаться с этим, и по мере возможности вести свою игру, не всегда понятную его гражданам.

Но и само государство представляли люди, поднявшиеся к тому времени на вершину власти, имевшие как определенные достоинства, так и недостатки. Во время Великой Отечественной войны Германию представлял Адольф Гитлер, СССР – Иосиф Сталин. Рядом с ними стояли их соратники, каждый из которых имел свой собственный взгляд на происхо-

дившее. Сегодня мы знаем, что полного единства этих взглядов не было, и даже более того – были сугубо противоположные взгляды, которые становились причиной вполне конкретных действий.

Итак, каждая война имеет свое закулисье, и именно там происходят события, которые обеспечивают продолжение жизни человеческого общества в столь экстремальных условиях. Сражения, которые исторически формируют облик войны, – лишь производное от того, что, казалось бы, не совсем вписывается в ее сущность. Но реально это не так. В любой войне главная задача общества – выжить, сохранив свою идентичность, территорию, язык, культуру. Задача власти – обеспечить это, для чего, безусловно, нужна Победа. О том, какими средствами будет достигнута эта победа – историки будут разбираться уже после.

В этой книге о Великой Отечественной войне я не буду рассказывать об операциях и в очередной раз характеризовать или критиковать военачальников. Я попробовал написать о том, о чем обычно не принято говорить, поднимая столь важную тему. И не беда, если кому-то покажется все это неважным или неполным. Война считается не завершенной до того времени, пока не захоронен последний солдат, а проблема до того момента, пока о ней не заговорят на уровне дискуссии.

Предлагаю последовать этому примеру.

Эвакуация тюрем

В последние предвоенные годы в связи с проводившейся внутренней политикой в СССР было арестовано большое количество людей. Часть этих людей по обвинению в измене Родине были расстреляны, часть – отправлены в исправительно-трудовые лагеря, располагавшиеся в северных и восточных районах СССР, еще часть в ходе следствия и в ожидании приговора и этапа содержалась в местных тюрьмах.

К началу Великой Отечественной войны в составе этой последней группы были, прежде всего, недавно арестованные уголовники, а также граждане с не до конца доказанной виной. Судя по тому, как жестко работал в то время репрессивный механизм, доля последних была незначительной.

В самом Львове было три тюрьмы: № 1 – на Лонцкого, № 2 – Замарстыновская и № 4 – Бригидки. Тюрьма № 3 находилась в замке г. Золочева, что около семидесяти километров от Львова, – сюда отправляли заключенных, когда львовские тюрьмы были переполнены (а они были переполнены: в тюрьме на Лонцкого при лимите 1500 человек находилось 3638 заключенных). В тюрьмах Львовщины по состоянию на 22 июня 1941 года было 5424 заключенных. Большинству инкриминировали преступления по статье 54 Уголовного кодекса УССР, то есть – контрреволюционную деятельность.

С началом Великой Отечественной войны выходит приказ Берии и прокурора СССР В.М. Бочкова № 221 от 22 июня 1941 года: В его приказной части указывалось:

1. Прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников.
2. Указанных заключенных, а также польские контингенты, немцев и иноподданных сосредоточить в усиленно охраняемые зоны, прекратив бесконвойное использование на работах. Содержащихся в лагере заключенных максимально законвоировать.
3. Арестовать заключенных, на которых имеются материалы в антисоветской деятельности.
4. Охрану лагерей, тюрем и колоний перевести на военное положение.
5. Прекратить отпуска всем работникам лагерей, тюрем и колоний и работникам прокуратуры ИТЛ, находящихся в отпусках немедленно вызвать.
6. Прекратить всякую переписку заключенных, а также содержащихся в спецпоселках с волей.
7. Исполнение донести в 24 часа».

23 июня 1941 советское руководство осознало, что необходимо принимать срочные меры по вывозу заключенных. Немедленно был направлен документ следующего содержания:

«НКГБ – тов. Мешик Минск, НКГБ – тов. Цанава Рига, НКГБ – т. Шустину Таллин, НКГБ – тов. Кумм Петрозаводск, НКГБ – тов. Баскакову Мурманск, УНКГБ – тов. Ручкину Ленинград, УНКГБ – тов. Куприну Предлагаю Вам: 1. Проработать вопрос о вывозе подавляющего числа арестованных, числящихся за НКГБ, НКВД, судом и прокуратурой. Сообщите общее количество имеющихся у Вас арестованных, с указанием – сколько, за какими органами числится и какое количество арестованных, по Вашему, следует вывезти. Арестованные будут вывезены в центральные и восточные районы СССР. Учтите, что вместе с арестованными будет направлено некоторое количество Ваших работников для ведения следствия по делам арестованных по новому месту их нахождения. 2. Примите меры к отбору из числа архивных дел наиболее важных, которые также должны быть Вами направлены в Москву, в адрес 1-го спец. отдела НКВД СССР. 3. Рассмотрите дела на всех имеющихся у Вас арестованных органами НКГБ и составьте списки на тех, которых Вы считаете целесообразным расстрелять. В списках укажите имя, отчество, фамилию, год рождения, последнюю должность или место работы

перед арестом, а также краткое содержание обвинения, с указанием сознался ли арестованный. Указанные списки вышлите не позднее 23 июля.

Меркулов 23 июня 1941 г. № 2445/М. Москва».

Летом 1941 года продвижение немецких войск от западных границ СССР на восток было стремительным. С учетом того, что 1-я танковая группа генерала Э. фон Клейста уже 10 июля вышла на подступы к Киевскому оборонительному району, преодолев расстояние в 600 километров за 20 дней, средний темп наступления ее соединений составлял 30 километров в сутки. 350 километров от Бреста до Минска 2-я танковая группа Г. Гудериана преодолела за 6 дней со средним темпом 58 километров в сутки. Организовать эвакуацию имущества, а тем более тюрем, в таких условиях было очень трудно.

Рассмотрим этот процесс с севера на юг.

В республиках Прибалтики перед самым началом войны была завершена операция по выселению «неблагонадежного и контрреволюционного элемента» – из Эстонии было выслано чуть более 10 тыс. человек, из Литвы около 17,5 тыс. из Латвии – по разным оценкам, от 15,4 до 16,5 тыс. человек. Эта операция была завершена к 21 июня 1941 года.

В то же время местные тюрьмы оказались заполненными заключенными и подследственными, в отношении которых нужно было принимать самые неотложные меры. И они были приняты...

Эстония: Из Эстонской ССР ко 2 июля было эвакуировано 4047 заключенных.

Но также имеются сведения о том, что в ночь с 8 на 9 июля 1941 года в тюрьме города Тарту было расстреляно 192 человека из числа задержанных с начала военных действий. В Лихула – 6 человек, в Хаапсалу и Вильянди – по 11 человек, в Печорах – 6 человек.

Латвия: Известно, что из литовских тюрем в тыл были эвакуированы 3722 заключенных. Ряд современных латвийских источников, основываясь на изданной в 1942 году в Риге трудах «Комиссии по расследованию зверств большевиков в Латвии» под названием «Год ужасов» и «Обвинительные доказательства», указывают на то, что в рижской тюрьме было расстреляно 78 заключенных.

Литва: Территория Литвы была захвачена немецкими войсками в течение первых дней войны – Ковно (Каунас) и Вильно (Вильнюс) были заняты немцами 24 июня. Эвакуация около 1700 заключенных из тюрем Вильно была начата вечером 23 июня. Но в пути по каким-то причинам состав при отправлении был расцеплен и в Горький эвакуировали только 609 заключенных. Всего из Литвы было эвакуировано 1363 заключенных.

Город Тельшяй был оставлен советской администрацией 22 июня и находился под контролем Литовского фронта активистов (ЛФА) до прихода немцев 25 июня 1941 года. После установления в этом районе власти немецким командованием возле фермы Райняй, расположенной недалеко от Тельшяй в лесу было обнаружено 74 тела, которые были признаны убитыми 24 и 25 июня 1941 года заключенными тюрьмы Тельшяй.

Город Ковно (Кунас) с 23-го находился под контролем ЛФА, а 24 июня был занят немецкими войсками. Но при этом в ряде источников указывается, что 26 июня 1941 года органами НКВД было уничтожено 400 человек заключенных и весь персонал каунасской тюрьмы вместе с семьями в колонии для заключенных в Правенешкес, расположенном в 12 км от Ковно.

Белоруссия: На 10 июня 1941 года в 32 тюрьмах Белорусской ССР содержалось 25 860 человек, причем самые большие тюрьмы были расположены в приграничных городах – Брест и Белосток, в каждой из которых содержалось около 4 тыс. заключенных. Крупной была и тюрьма в городе Гродно, где содержалось около 3,5 тыс. заключенных.

Уже в первый день войны замнаркома внутренних дел СССР Чернышов передал по телефону наркому внутренних дел БССР Матвееву указание Берии о немедленной эвакуации тюрем. Из тюрем западных областей БССР по плану предполагалось вывезти 16 357 заключенных. Правда, планировалось вывозить не всех. В этот же день ЦК КП(б) Белорусской ССР,

издал постановление о срочном приведении в исполнение приговоров в отношении заключенных, осужденных к высшей мере.

Однако, в условиях быстрого продвижения немецких войск и постоянного воздействия авиации на тыловые объекты, вызвавшего во многих местах панику и хаос, этого сделать не удалось. Также следует помнить о том, что во время эвакуации колонны заключенных эвакуируемые в пешем порядке подвергались налетам немецкой авиации и несли потери. В ряде случаев заключенные «за контрреволюционные преступления» в пути следования преднамеренно расстреливались конвоем.

Иногда расстрелы производились в ответ на провокации самих заключенных. Так, 24 июня 1941 года во время эвакуации заключенных из тюрьмы города Глубокое заключенные поляки начали кричать: «Да здравствует Гитлер!» На основании этого начальник тюрьмы Приемышев распорядился отконвоировать заключенных до ближайшего леса, где и было расстреляно около 600 человек.

Имели место и случаи расстрелов в тюрьмах. Так, установлено, что в тюрьме города Ошмяны 23 июня 1941 года политруком Клименко и уполномоченным Авдеевым во время бомбежки этого города самочинно было расстреляно в подвале 30 заключенных, обвиняемых в преступлениях контрреволюционного характера.

Из тюрем города Минска было эвакуировано около 2000 заключенных. При этом, по донесению начальника конвоя, «ввиду систематических нападений на колонну с заключенными под местечком Червень при согласовании с руководством тюрьмы 209 политических заключенных были расстреляны, а остальные заключенные, содержащиеся под стражей за бытовые преступления, освобождены».

В тюрьме города Мозырь в июле 1941 года в срочном порядке было расстреляно 38 человек, а в тюрьме города Гомель – 11 человек, приговоренных судом к высшей мере наказания.

Утром 22 июня на тюрьму города Гродно упала авиационная бомба, взрывной волной от которой вышибло двери камер. Охране удалось перевести заключенных в главный корпус. Но днем того же дня главный корпус прямым попаданием другой авиабомбы был разрушен, и многие из заключенных погибли. Ближе к ночи третья авиабомба разрушила часть второго корпуса. При этом многим заключенным, несмотря на открытый охраной огонь, удалось вырваться из тюрьмы и разбежаться по городу. Начальник тюрьмы попытался связаться с местным НКВД и НКГБ, однако к тому времени те уже эвакуировались в тыл. После этого территория тюрьмы ее охраной была оставлена.

Аналогичная ситуация была и в других тюрьмах Западной Белоруссии. По подсчетам, из 32 тюрем НКВД БССР, функционировавших на 22 июня 1941 года, удалось провести эвакуацию лишь из 14 (Глубокое, Молодечно, Пинск, Столин, Дрогичин, Орша, Полоцк, Витебск, Могилев, Мозырь, Гомель, Червень, Вилейка и Столбцы). Всего было эвакуировано 9573 человека, «оставлено противнику» – 16 048 человек, бежало в пути при бомбежке 775 заключенных, освобождено «налетом банды» – 76, расстреляно в тюрьмах – 530, расстреляно конвоем в пути – 714 человек.

Украина: В западных регионах УССР в предвоенный период в тюрьмах содержалось значительное количество осужденных и подследственных. Только по ликвидации активно действовавшего подполья ОУН в тюрьмах находилось более 23 тыс. человек. По западным областям количество заключенных по тюрьмам распределялось следующим образом:

Львовская область – 4 тюрьмы, из них три в самом Львове (4960 человек), и одна – в Злочеве (623 человека). В Волынской области – 3 тюрьмы: Луцк (2052 человека), Владимир-Волынский (333 человека), Ковель (800 человек). Ровенская область – 4 тюрьмы: две в Ровно (992 человека), Дубно (296 человек), Острог (76 человек). Дрогобычская область – 3 тюрьмы: Перемышль (818 человек), Самбор (1212 человек), Стрый (848 человек). Тернопольская область – 4 тюрьмы: Тернополь (1790 человек), Чертков (1290 человек), Бережаны (376

человек), Кременец (350 человек). Станиславская область – 3 тюрьмы: Станислав (2914 человек), Коломыя (1470 человек), Печенежино (66 человек). Черновицкая область – 4 тюрьмы: две в Черновцы (2000 человек), Сторожинец (67 человек), Хотин (223 человека). Каменец-Подольская область – 3 тюрьмы: две в Каменец-Подольском (1700 человек), Проскуров (811 человек). Винницкая область – две тюрьмы: Винница (2700 человек) и Брацлав (2100 человек). Измаильская область – две тюрьмы: Измаил (623 человека) и Аккерман (532 человека). Одесская область – 3 тюрьмы: две в Одессе (5008 человек) и Балта (84 человека).

С началом войны только из западных областей УССР на 23 июня 1941 года требовалось эвакуировать 23 236 заключенных – для чего было необходимо представить 778 вагонов. Но затребованного количества вагонов в условиях начала войны, конечно же, получено не было – в связи с чем ряд тюрем эвакуировался пешим порядком до тыловых станций.

Эвакуация заключенных была организована плохо. Так, известно, что при эвакуации заключенных и задержанных 22 июня из Перемышля 669 человек из них попали к немцам. В Самбор был доставлен всего 181 заключенный, главным образом приговоренные к высшей мере наказания и задержанные по контрреволюционным статьям.

Кроме того, с началом военных действий вооруженными отрядами ОУН, переброшенными ранее с немецкой стороны в западные районы Украины, были предприняты попытки нападения на ряд тюрем. Такие случаи имели место в городах Львов, Злочев, Луцк, Дубно и др.

23 и 24 июня 1941 года НКГБ УССР передает указание в прифронтовые области о том, что «всех следственных и осужденных за контрреволюционные преступления по ст. 170 УК, и лиц, совершивших большие растраты, расстрелять, а следственных и осужденных по другим статьям освободить».

На начало войны в тюрьмах Львова содержалось 3602 человека. Всего, по официальным данным, в тюрьмах № 1, 2, 4 гор. Львова и № 3 Злочева было расстреляно 2464 человека, освобождено – 800 человек, вывезено перебежчиков – 201 человек, осталось в тюрьмах – 1546 человек. Из них бежало во время ухода охраны тюрем из города 23–24 июня и в результате нападения на тюрьму № 1 23 июня – 362 человека, преимущественно уголовников и бытовиков ОУН.

На местном уровне основанием для ликвидации заключенных тюрем стали распоряжения республиканских властей. Так, на территории Западной Украины 23 июня 1941 года в действие были введены приказ № 2445/М наркома государственной безопасности Меркулова и приказ начальника тюремного управления НКВД УССР капитана госбезопасности Филиппова. В первом документе речь шла о срочном учете всех заключенных в тюрьмах и делении на тех, что подлежат депортации в концлагеря ГУЛАГа, и тех, кого необходимо расстрелять (эта задача возлагалась на местное руководство НКГБ).

Во втором документе говорилось об эвакуации заключенных, к нему прилагался «План эвакуации», согласно которому депортации из Львовской области подлежало пять тысяч арестантов, для чего выделялось 204 вагона. Согласно инструкции НКВД СССР от 29 декабря 1939 года один вагон эшелона вмещал тридцать депортированных лиц, следовательно, указанных вагонов хватало бы на эвакуацию 6800 заключенных. Однако эвакуировали только 1822 из 5000 запланированных. Кроме того, в последнем документе рукой прокурора Львовской области Харитонова содержалась надпись черными чернилами: «Расстрел как врагов народа санкционирую».

Практиковались и другие меры. Так, в тюрьме города Луцка сразу же с началом войны были расстреляны 73 человека, приговоренные к высшей мере наказания. Но дальше события развивались уже по другому сценарию. В 14 часов 22 июня на территорию тюрьмы упало две авиабомбы, частично разрушив ряд помещений. Взрывной волной были выбиты двери части камер, в других они были взломаны самими заключенными. После чего они смогли попасть во

внутренний двор, откуда предприняли попытку к бегству, но были остановлены охраной. При этом часть пытавшихся убежать были расстреляны на месте.

23 июня 44 осужденных по бытовым статьям и 40 малолеток были освобождены. Утром 23 в тюрьму прибывает опергруппа УНКГБ во главе с майором Розовым, которая требует выдать всех з/к, содержащихся в тюрьме гор. Луцка по статьям УК УССР 54, 2, 11, и особенно членов ОУН. После того как стало известно о приближении немецких войск, отобранные 800 человек были расстреляны на хозяйственном дворе тюрьмы работниками НКВД, НКГБ и силами охраны. Кроме того, было расстреляно охраной тюрьмы и воинскими частями в окрестностях тюрьмы еще некоторое количество заключенных, пытавшихся бежать из тюрьмы. По информации начальника тюремного управления НКВД по Волынской области – в общем – расстреляно в тюрьме и возле тюрьмы около 1000 человек. В тюрьме было оставлено около 1000 человек, большинство из которых обвинялись по бытовым статьям УК УССР. Но в более ранних сводках НКВД (июнь 1941) приводилась информация о том, что были расстреляны все заключенные – всего около двух тысяч человек.

В тюрьме города Владимир-Волынский 22 июня были расстреляны 36 заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, после чего она, в связи с быстрым продвижением немецких войск, была оставлена.

В тюрьме города Ковель было расстреляно 194 заключенных, освобождено 300 человек и осталось невывезенными 145 заключенных.

В тюрьме города Острог (Ровенская область) 1 осужденный к высшей мере наказания был расстрелян, 5 заключенных были освобождены и 77 оставлены (из них 15 осужденных за «контрреволюционные преступления»). Правда, позже появились заявления о том, что все эти 77 человек были расстреляны.

В тюрьме города Дубно осужденные на длительные сроки были направлены в город Ровно, за контрреволюционную деятельность (260 человек) – расстреляны. При вступлении в город немцев в камерах осталось еще около 60 человек, которых, по заявлению местных украинских исследователей, просто не успели расстрелять.

В тюрьме города Черновцы было расстреляно 16 осужденных к высшей мере наказания (включая 3 пленных немцев). Остальные двумя партиями, соответственно 1405 и 757 заключенных, были этапированы на восток.

В тюрьме города Тернополь (современный Тернополь) было расстреляно – 560 заключенных, освобождено – 217 человек, эвакуировано 1141 человек. С приходом немцев в тюрьме оставалось всего 5 заключенных.

В тюрьме города Бережаны в июне было расстреляно 222 человека, 94 заключенных эвакуированы и 60 человек освобождены (инвалиды и малолетки).

В тюрьме города Чертков было расстреляно 88 человек, 954 человека были эвакуированы. Из них в пути следования, при попытке к побегу и бунтам, было расстреляно 123 человека.

В тюрьме города Кременец 23 и 24 июня было 38 заключенных.

В тюрьмах городов Стрый и Самбор был расстрелян 1101 заключенный (из них 67 человек из тюрьмы Перемышля), этапировано – 637 человек, освобождено – 250 человек и оставлено в своих камерах 304 человека.

В тюрьме города Станислав (современный Ивано-Франковск) в июне 1941 года было расстреляно около 1 тыс. человек, этапировано – 954 человек, освобождено – 295 человек, осталось в камерах 674 человека.

В тюрьмах, находившихся на значительной глубине от границы, количество расстрелянных было несколько меньшим. Так, в тюрьмах Киева по состоянию на 7 августа 1941 года было расстреляно 346 человек, в тюрьмах Житомира – 46 человек, в Сумах – 108 человек, Черкасах – 9 человек, в городе Белая Церковь – 3 человека. Примечателен и такой факт, что 97 при-

говоренных к высшей мере наказания и содержащихся в тюрьме города Чернигова были не только освобождены, но и отправлены в военкоматы.

Сегодня в Умани на улице Ленина возвышается здание районного отдела внутренних дел – обычное строение казенного типа. Но старожилы хорошо помнят, что до конца 80-х годов на этом месте находился комплекс тюремных зданий. По периметру он был огорожен 5-метровыми кирпичными стенами, по гребню которых проходило несколько рядов колючей проволоки. По углам стен были сооружены вышки с прожекторами, на которых круглосуточно дежурили стрелки тюремной охраны.

В конце июля 1941 года, когда над городом нависла угроза фашистской оккупации, сотни заключенных были тайно расстреляны в подвалах тюрьмы, устроенных в специально оборудованных участках катакомб, отгороженных от остальных лабиринтов толстыми кирпичными стенами. Трупы были пересыпаны хлоркой, а входы в расстрельные помещения тщательно замурованы. Всего в тюрьме города Умань 20 июля было расстреляно 767 человек, освобождено – 34 человека, а 31 заключенный (поляки) оставлены в тюрьме.

Вскоре после того, как немецкие войска вошли в Умань, они обнаруживали доказательство злодеяний большевиков. В доказательство этого жителям города были предъявлены трупы расстрелянных, извлеченные из подземелий. Тогда к уманской тюрьме начали сходить и съезжаться жители города и окрестных сел, потерявшие родных и близких накануне и в годы войны. По каким-то приметам они узнавали родных, близких и односельчан, арестованных органами ГПУ в начале 1941 года. Информация о расстрелах органами НКВД в уманской тюрьме заключенных была широко освещена германской прессой.

Всего из 78 тюрем УССР в 1941 году было эвакуировано 45 569 человек, расстреляно в тюрьмах – 8789 человек, убито при попытке побега – 48 человек, расстреляно конвоем в пути при подавлении бунта и сопротивления – 123 человека, незаконно расстреляно конвоем в пути – 55 человек, оставлено немцам – 3536 человек.

При расстрелах органы НКВД вначале применяли привычную для них практику – осужденных индивидуально, в специальной камере расстреливали выстрелом в затылок. Когда приближался фронт, а планы не были выполнены, начали расстреливать массово: сгоняли заключенных в камеры подвалов и через дверцу для передачи пищи стреляли из автоматического оружия. В последние дни – бросали в камеры гранаты. Практиковали и такой способ: открывали двери камер, заключенные выходили в коридор, думая, что их увольняют, и в этот момент их расстреливали из автоматического оружия.

Остро стояла задача, как избавляться от тел расстрелянных. Вначале тела вывозили грузовиками и хоронили в специальных местах. Однако перед самым приходом немцев чекисты, спеша, хоронили убитых во дворах и подвалах тюрем. В официальных документах НКВД эти действия именовались как «разгрузка тюрем» или «убытие по 1-й категории». В последующем раскопки этих массовых захоронений стали хорошим материалом для нацистской пропаганды.

Таким образом, в начале Великой Отечественной войны из западных регионов СССР пришлось срочно эвакуировать 272 тюрьмы, в которых содержалось 141 527 человек. Эвакуация контингента сопровождалась людскими потерями. В ходе ее осуществления по различным причинам выбыло около 43 тыс. человек, в том числе: остались невывезенными – 21 504, освобождены при эвакуации – 7444, бежали при бомбежках – 819, бежали из-под конвоя – 264, погибли при бомбежках – 23, убиты при попытке к бегству – 59, освобождены налетом банды – 346, расстреляны в тюрьмах – 9817, расстреляны конвоем в пути следования при подавлении бунта и сопротивления – 674, незаконно расстреляны конвоем в пути – 769, умерли в пути следования – 1057 человек.

Расстрелы заключенных имели место и в тюрьмах, расположенных на территории РСФСР. Так известно, что 11 сентября 1941 года в Медведевском лесу, в 10 километрах от города Орла, сотрудники НКВД расстреляли 157 заключенных, содержащихся в местной

тюрьме. Данный расстрел произошел более чем за три недели до взятия Орла немцами. Основанием этого расстрела стала докладная записка Берии Сталину от 6 сентября 1941 года. В ней указывалось: «Некоторая – наиболее озлобленная часть содержащихся в местах заключения НКВД государственных преступников ведет среди заключенных пораженческую агитацию и пытается подготовить побег для возобновления подрывной работы. Представляя при этом список на 170 заключенных, одновременно осужденных за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу, НКВД СССР считает необходимым применить к ним высшую меру наказания – расстрел».

Данный список составлялся в спешке, без всякой проверки, и в него даже были включены фамилии 9 человек, которых к тому времени в орловской тюрьме уже не было (одни умерли, другие были освобождены после пересмотра их дел). На основании этой записки было издано постановление № ГКО-634сс от 6 сентября 1941 года. В нем указывалось: «Применить высшую меру наказания – расстрел к 170 заключенным, одновременно осужденным за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу. Рассмотрение материалов поручить Военной Коллегии Верховного Суда СССР».

По приговору, вынесенному 8 сентября 1941 года, на основании постановления ГКО, без возбуждения уголовного дела и проведения предварительного и судебного разбирательства, Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством Ульриха В.В. (члены коллегии Кандыбин Д.Я. и Буканов В.В.) вынесен приговор в отношении 161 заключенного, согласно которому все были осуждены по ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу.

Сегодня демократическая пресса ловко использует факты расстрелов подследственных и заключенных при отступлении советских войск для того, чтобы еще раз вскрыть «звериную сущность» большевизма. Безусловно, казни людей, по которым еще не завершено расследование и которым вынесен более «мягкий» приговор, – преступление против Закона. Но что было делать, если возможности эвакуации этих тюрем не было?

Также нужно сказать и о том, что случаи массовых убийств арестованных далеко не всегда поощрялись органами советской власти. Так известно, что в период с 22 июня по 31 декабря 1941 года по НКВД было осуждено за самочинные расстрелы и убийства 19 человек из числа работников органов НКВД. В частности, заместитель начальника тюрьмы А.Х. Табер и помощник оперуполномоченного В.А. Мохов 13 сентября 1941 года были приговорены военным трибуналом к высшей мере наказания «за участие в самочинном расстреле 714 заключенных, эвакуированных из тюрьмы № 28 белорусского города Глубокое». Проходившие по этому же делу сотрудники НКВД И.Я. Баталов, В.Н. Малинин и П.И. Скребневский получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Нужно признать, что во многих местах по разным причинам содержащиеся в тюрьмах лица оказывались на свободе. В этом случае арестанты из простых людей, как правило, возвращались к своим семьям и продолжали трудиться, теперь уже на оккупантов. Отдельные из них даже назначались бургомистрами, старостами и полициями.

Но как вели себя уголовники? В большинстве случаев они добровольно поступали на службу к оккупантам. В последующем именно из них формировались карательные отряды и ударные отряды полиции. По воспоминаниям людей, переживших оккупацию, именно полиция из числа бывших уголовников были самыми жестокими и коварными. Из них формировались расстрельные команды, ложные партизанские отряды и ложные подпольные группы. Многие из них «работали» в концентрационных лагерях и лагерях смерти.

Так, известно, что заключенные тюрьмы города Брест, которая не была эвакуирована, начали грабить городские склады и магазины, «занились пьянкой и приветствием вступления германских фашистских войск в город: «Да здравствует освободитель Гитлер» и т. д.». Часть

охранников тюрьмы не успела уехать из города, и немцы с помощью заключенных отлавливали их и расстреливали.

ГУЛАГ в годы войны

Термин «ГУЛАГ» хорошо знаком каждому россиянину как Главное управление исправительных лагерей и в последние десятилетия ассоциируется с периодом сталинских репрессий 30-х гг. Через систему ГУЛАГа в те годы прошли сотни тысяч человек. Дармовой труд этих заключенных «эффективно» использовался при строительстве ряда крупных объектов и выполнении других работ хозяйственного плана.

Но вот началась Великая Отечественная война, которая затронула все стороны жизни советского общества. Не могла она обойти стороной и ГУЛАГ. Но по ряду причин этот вопрос в последующих исследованиях не поднимался.

Подполковник внутренней службы О.Н. Яковлева, пожалуй одна из первых, задавалась этим вопросом и провела достаточно глубокое исследование. Она установила, что в системе Главного управления исправительных лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ НКВД СССР) на 1 января 1941 года находилось 53 исправительно-трудовых лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, 172 контрагентские колонии, 622 тюрьмы и 50 колоний для несовершеннолетних. Общее количество заключенных, содержавшихся в этих учреждениях, составляло 1 млн 929 тыс. 729 человек.

Прежде всего, большое количество сотрудников уголовно-исполнительной системы были направлены на фронт и в прифронтовую полосу для выполнения различных боевых задач. На фронт были направлены 117 тыс. сотрудников уголовно-исполнительной системы – это свыше половины рядового и командного состава военизированной охраны, а также начальствующего и оперативного состава ИУ. Военизированная охрана перешла на военное положение с казарменным размещением всего личного состава.

В соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 года из мест лишения свободы были досрочно освобождены некоторые категории заключенных, отбывавших наказание за малозначительные преступления. Подавляющее число этих людей через военкоматы были отправлены на фронт. Только в 1941 году на фронт по этой линии было направлено 480 тыс. человек, что составило около 25 % общего числа заключенных. В течение 1942–1943 гг. были досрочно освобождены и призваны в ряды Красной Армии еще 157 тыс. человек.

Изменился и порядок участия бывших заключенных в боевых действиях. Если в 1941 и 1942 гг. из них формировались штрафные роты, то с начала 1943 года начали создаваться обычные воинские части. Всего за три года войны на укомплектование Красной Армии было передано 975 тыс. осужденных.

Однако даже после этого еще очень большое количество осужденных оставались в местах заключения. Нужно было решать, что делать с этой массой людей, как лучше использовать их для решения оборонных задач?

Первой задачей, стоявшей перед правительством страны, стала эвакуация на восток предприятий из районов, которые оказались под угрозой захвата их противником. При этом сразу предусматривалось и развертывание этих предприятий на новом месте. Это было, прежде всего, связано с производством больших объемов погрузочно-разгрузочных работ, часть из которых производилась в непосредственной близости от противника, под ударами его авиации. На эти работы были направлены, прежде всего, рабочие данных предприятий (рабочий лично отвечал за демонтаж своего станка и сборку его на новом месте), а также заключенные.

Надо отметить, что разгрузочно-погрузочные операции производились быстро и точно. Так, первые эшелоны с оборудованием Людиновского локомотивного завода прибыли из Украины в Сызрань 11 августа 1941 года, а уже 6 ноября предприятие выдало военную продукцию – минометные снаряды.

Заклученные расположенного неподалеку от Куйбышева Безымянского исправительно-трудового лагеря Особстроя НКВД СССР в сентябре – октябре 1941 года разгружали и складировали имущество 1-го государственного подшипникового завода, а затем помогали монтировать оборудование на новом месте. При этом велась переориентация данного предприятия на выпуск военной продукции. И уже в декабре 1941 года на данной базе был выпущен первый самолет – штурмовик Ил-2.

С началом войны около 60 крупных строек, не имевших непосредственного военно-стратегического значения, были закрыты. Так, строительство БАМа было не только остановлено, но даже значительная часть уложенных путей позже была демонтирована и перенаправлена на фронт (в частности, использовалась для строительства железнодорожной линии Сталинград – Сызрань – Ульяновск). Прекратилось строительство железной дороги на Салехард. Все заключенные, ранее задействованные на этих стройках, были перенацелены на выполнение других задач.

В годы Великой Отечественной войны работники системы ГУЛАГа вносили посильный вклад в развитие оборонной науки и техники. Так, в Молотов (ныне Пермь) были эвакуированы два тюремных конструкторских бюро. Из-под Москвы (Болшево) туда же эвакуировали Особое техническое бюро НКВД при Научно-исследовательском институте промышленности боеприпасов. Учреждение включилось в разработку баллистического пороха для «катюш» и новых технологий. Разработанная ими система непрерывного шнекового производства ракетных зарядов увеличила в два раза скорость их изготовления. Инженерами Ленинградского Особого конструкторского бюро № 172 на пушечном заводе в Мотовилихе были разработаны и внедрены в производство 45-мм противотанковая пушка М-42, модернизированная гаубица-пушка 152-мм МЛ-20 (для самоходки ИСУ-152), 122-мм самоходная гаубица повышенной мощности М-22, 76-мм дивизионная пушка БЛ-14, 85-мм противотанковая пушка БЛ-19 и др. За годы войны Мотовилихинским заводом было выпущено 48,6 тыс. пушек – каждая четвертая, произведенная в стране.

Заклученные также привлекались на оборонительное строительство, для чего из лагерей ГУЛАГа было выделено более 200 тыс. человек. Заклученные строили отдельные участки оборонительных рубежей под Москвой, Ленинградом, Сталинградом. Кроме того, они широко использовались для строительства запасных командных пунктов Ставки Верховного Главного Командования и Генерального штаба на рубеже Волги и за Уралом.

В частности, за счет ресурсов Вытегорского строительства и лагеря НКВД были обеспечены рабочей силой, продовольствием и материальными ресурсами полевые работы по строительству 2-го армейского Управления оборонительных работ НКО. За счет Беломоро-Балтийского лагеря НКВД – полевые работы по строительству Управления оборонительных работ Карельского и Северного фронтов.

В непростых условиях военного времени сотрудники уголовно-исполнительной системы изыскивали средства и возможности внести дополнительный вклад в дело приближения победы. Так, например, осенью 1941 года личный состав тюрьмы № 1 города Кирова организовал сбор средств на постройку эскадрильи самолетов. Коллектив Ивдельлага (Свердловская область) за годы войны на постройку танков и самолетов перечислил 3,5 млн рублей наличными и более 10 млн рублей облигациями.

Совместным трудом сотрудников, вольнонаемного персонала и заключенных в годы войны страна обеспечивалась лесом, углем, рудой, восстанавливала и строила новые предприятия. К основным направлениям народно-хозяйственной деятельности с использованием труда заключенных в годы Великой Отечественной войны можно отнести: – железнодорожное строительство, куда было направлено 448 тыс. заключенных);

– лесная промышленность (320 тыс. заключенных);

– промышленное строительство (310 тыс. заключенных);

- аэродромное и шоссейное строительство (268 тыс. заключенных);
- горно-металлургическая промышленность (171 тыс. заключенных);
- строительство оборонительных рубежей (200 тыс. заключенных).

С первых дней войны в системе ГУЛАГа непосредственно на местах было организовано производство, направленное на выполнение заказов для нужд фронта. Главным образом производился выпуск боеприпасов, спецупаковки, пошив обмундирования для Красной Армии, изготовление другой военной продукции. На базе заводов и заводиков системы ГУЛАГа производилось огромное количество боеприпасов, в их числе различного калибра мины, авиабомбы, авиационные осколочные бомбы типа «АО», ручные гранаты, противопехотные мины. Кроме того, в ИТЛ были организованы производство и поставка на фронт средств инженерного вооружения: грейдеров, катков, снегоочистителей, автобензоприцепов.

В целом же производство продукции заключенными исправительно-трудовых лагерей в годы войны охватывало 15 отраслей народного хозяйства. Только в течение 1942 года предприятиями ИТЛ было выпущено продукции на 1 млрд 290 млн рублей, что составило 108,3 % от предусмотренного планом.

К 1944 году заключенные работали на 650 предприятиях страны. Общий объем продукции, выпущенный этими предприятиями, составил 1 млрд 652 млн рублей. Кроме того, благодаря производственно-хозяйственной деятельности ИТЛ в государственный бюджет за 1944 год поступило накоплений в сумме 1 млрд 630 млн рублей, в доход государства сдано 767 млн рублей. При этом важно отметить, что в годы войны все колонии и лагеря перешли на самокупаемость и не получали дотаций из государственного бюджета.

Заключенными решались даже творческие задачи. Так, для оборонной промышленности (авиастроение, танкостроение, артиллерия, транспорт, изготовление боеприпасов) были необходимы в большом количестве технические изделия из кожи. Для их производства требовались остродефицитные полуфабрикаты, которые поступали с перебоями. Заключенные Московской колонии № 1 НКВД России изобрели и сконструировали небольшую экспериментальную установку по изготовлению манжет из полихлорвиниловых масс, заменяющих кожаные полуфабрикаты. Производство экспериментальной партии позволило исключить из технологического процесса дефицитное сырье и обеспечило колоссальную экономию финансовых средств.

В годы войны силами заключенных обеспечивалось строительство объектов разного назначения. Были построены и введены в действие такие крупные промышленные объекты, как Актюбинский завод ферросплавов, Норильский никелевый, Новотагильский и Байкальский металлургический заводы, нефтепровод Астрахань – Саратов, Ухтинский нефтяной комбинат, Тавдинский, Канский, Красноярский, Любвинский гидролизные заводы по выработке спирта. Особо среди оборонных сооружений следует выделить пороховой завод в Соликамске, авиационные в Омске и Куйбышеве, аэродромы с твердым покрытием, в том числе заполярный в Уэлькале на трассе Москва – Америка.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 21 мая 1943 года, для обеспечения возможных боевых действий на Дальнем Востоке, на ГУЛАГ было возложено строительство железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань и порта Ванино. Обе эти задачи были выполнены успешно.

Всего же за период 1941–1944 гг. строительными организациями НКВД было выполнено капитальных работ на 14,2 млрд рублей, что составило 14,9 % всех выполненных строительных работ по народному хозяйству СССР в целом, было построено и сдано в эксплуатацию: 612 оперативных аэродромов и 230 аэродромов с взлетно-посадочными полосами, группа авиационных заводов в районе Куйбышева, 3 доменных печи общей мощностью 980 тыс. тонн чугуна в год, 16 мартеновских и электроплавильных печей производительностью 445 тыс. тонн стали, прокатные станы общей производительностью 542 тыс. тонн проката, 4 коксовые батареи производительностью 1 млн 740 тыс. тонн кокса, угольные шахты и разрезы общей производитель-

ностью 6 млн 790 тыс. тонн угля, 46 электрических турбин общей мощностью 596 тыс. киловатт, 3 тыс. 573 километра новых железных дорог, 4 тыс. 700 километров шоссейных дорог, 1 тыс. 58 километров нефтепроводов и другие объекты.

За этот период промышленными предприятиями НКВД было выдано: 315 тонн золота, более 14 тыс. тонн олова (в концентратах), 6 тыс. 795 тонн вольфрамового концентрата, 1 тыс. 561 тонн молибденового концентрата, 6 тыс. 511 тонн никеля электролитного, 6 тыс. 81 тонн меди черновой, 968 тыс. тонн хромитовой руды, 8 млн 924 тыс. тонн угля, 10 тыс. 150 тонн сажи газовой, 407 тыс. тонн нефти, 90 млн м³ леса и дров, произведено 30,2 млн штук мин. Удельный вес продукции предприятий НКВД в общем производстве по народному хозяйству СССР составил: по золоту – 64 %; по платине и палладию – 65 %; по оловянным концентратам – 82 %; по электролитному никелю – 71 %; по молибденовым концентратам – 27 %; по вольфрамовым концентратам – 34 %; по минам – 17 %. Несмотря на трудности, помимо высоких показателей трудовой активности заключенными было перечислено в Фонд обороны страны свыше 40 млн рублей добровольных взносов, а также значительное количество золота и серебра. Из предприятий ГУЛАГа в освобожденные районы страны в 1943–1944 гг. было передано 356 единиц разного оборудования, 160 тракторов, 170 автомашин, 30 комбайнов, 235 плугов, 62 сеялки.

Уже в 1944 году началась переориентация части ресурсов ГУЛАГа на нужды послевоенного развития. Хотя многие производства и стройки продолжали выполнять прежние задания, большинство производственных мощностей исправительной системы стало перестраиваться на выпуск «мирной» продукции. Именно в это время было завершено строительство Угличской и Рыбинской электростанций, которое было приостановлено в 1941 году.

Тогда же НКВД получил ряд новых заданий Государственного Комитета Обороны по капитальному строительству и расширению производственной деятельности. В числе первостепенных задач были восстановление и строительство военно-морских баз в Таллине, Риге, на полуострове Порккала-Удд, строительство газопровода «Саратов – Москва», восстановление Беломорско-Балтийского канала, строительство Закавказского металлургического комбината и железной дороги Кировобад – Дашкесан, строительство Ивдельского и Бирюсинского гидролизных заводов мощностью на 500 тыс. декалитров спирта каждый, развитие нового месторождения коксующихся углей Хелмер-Ю, включая строительство железной дороги Воркута – Хелмер-Ю, строительство Ангренского и Волчанского угольных разрезов, расширение куйбышевского, краснодарского и дагестанского нефтепромыслов, строительство урановых рудников и заводов, а также второй очереди Тырно-Аузского вольфрамового комбината.

На 1 января 1945 года всего в исправительной системе НКВД насчитывалось 1 млн 460 тыс. человек. Из них 715,5 тыс. содержались в исправительно-трудовых лагерях и 745,2 тыс. в исправительно-трудовых колониях. Вскоре туда начали массово поступать лица из числа восточных рабочих, обвиненных в сотрудничестве с фашистами, освобожденных из лагерей бывших белогвардейцев, захваченных полицаяв, власовцев и других.

В 1945 году перед ГУЛАГом была поставлена совершенно новая задача – обеспечить развитие атомной промышленности в СССР.

Таким образом, система ГУЛАГа продолжала функционировать на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. В лагерях этой системы отбывали наказание самые разные люди, от уголовников, совершивших тяжкие преступления, до людей, осужденных по политическим мотивам. Сама система четко вписывалась в общую структуру жизни и деятельности страны в условиях войны, являясь ее составной частью.

Штрафные формирования в РККА

После неудачного исхода Харьковской оборонительной операции (4–25 марта 1943 года) советские войска были вынуждены отступать к Дону, а затем к Волге. На отдельных направлениях это отступление ввиду напора превосходящих сил противника и потери управления советским командованием превращалось в бегство с элементами паники. Для того чтобы воспрепятствовать этому, от 28 июля 1942 года был подписан приказ № 227 народного комиссара обороны СССР больше известный как приказ И.В. Сталина «Ни шагу назад!».

Сразу же надо сказать, что этот приказ не был секретным, так как он объявлялся во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах. Но затем советские историки предпочли о нем умалчивать. Порой он даже публиковался только под грифом «Для служебного пользования».

На самом же деле приказ в своей первой части гласил:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа».

Но далее, говоря о сопротивлении отдельных соединений и частей Красной Армии говорилось:

«Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором. Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток. Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам».

После этого в приказе шло напоминание о том, что «Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского Союза – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию оружием и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».

И только после этого в приказном порядке указывалось: «надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим

отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

Ставился вопрос – чего же не хватает для того, чтобы остановить наступление врага? Приказ отвечал и на этот вопрос. Так, указывалось: «Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток».

Для устранения этого главного недостатка предписывалось принимать неотложные и самые жесткие меры. Указывалось: «Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины».

Но это только призывы и угрозы. Нужно было выработать четкий механизм достижения поставленных целей. И в этом деле, как это часто бывает на войне, невольно помощь оказал противник. Так, в приказе № 227 указывалось:

«После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой».

На основании немецкого опыта было приказано:

«Сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины...

Сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

Таким образом, штрафные батальоны о которых особенно часто стало «модным» говорить в последнее время, формировались исключительно из провинившихся средних и старших командиров и соответствующих политработников. При направлении в такой батальон с офицеров снимали знаки отличия, награды, и они временно становились рядовыми. Командовали такими подразделениями исключительно строевые офицеры, не являвшиеся штрафниками.

Время пребывания в штрафном батальоне было ограниченным, по истечении которого все уцелевшие штрафники восстанавливались в воинском звании, им возвращались их награды, а сами они возвращались в свои части.

Штрафные роты комплектовали провинившимися младшими командирами и рядовыми бойцами. Кроме того, туда могли направляться заключенные, пожелавшие искупить кровью свою вину перед Родиной и народом. Все они носили военную форму, но без знаков различия и наград. Командирами взводов и, тем более, штрафной роты, были строевые офицеры, не являвшиеся штрафниками. Причин перевода из штрафной роты в строевую было несколько. Первая – после ранения, полученного в бою. Вторая – после случая явного проявления храбрости по ходатайству командира роты. Третья – после длительного периода участия в боевых действиях и при отсутствии замечаний в трусости. Но последний случай практиковался крайне редко.

На сержантские должности по приказу командира батальона, как правило, назначались штрафники, отличившиеся в боях или проявившие высокие организаторские качества. Но при этом никаких льгот для их боевой службы по сравнению с рядовым составом не было.

Исследователь истории штрафных подразделений полковник юстиции А.В. Мороз пишет, что на Сталинградском фронте сразу же после объявления приказа № 227 в августе 1942 года приступили к формированию по временным штатам двух штрафных батальонов, которым, соответственно, были присвоены номера 1 и 2. Но в связи с быстрой сменой обстановки вскоре эти батальоны оказались в полосе Донского фронта. Кроме того, стало ясно, что данный фронт укомплектовать их личным составом не сможет. Поэтому приказом по войскам № 09/0125 от 30 сентября 1942 года 2-й отдельный штрафной батальон был расформирован, а его командный и политический состав в количестве 33 человек направлен на доукомплектование 1-го батальона.

Командный состав батальона был представлен строевыми офицерами, имевшими боевой опыт и отличавшимися решительностью и требовательностью. Командиром 1-го штрафного батальона был назначен гвардии майор Григорьев Яков Федорович, комиссаром – батальонный комиссар Лавренюк Павел Прохорович, начальником штаба – капитан Лобань Григорий Иванович. За батальоном закреплялся оперуполномоченный особого отдела НКВД фронта лейтенант госбезопасности Ефимов Павел Тимофеевич. Кадровыми офицерами были заместитель командира батальона по строевой части, офицеры штаба и политаппарата, командиры и политруки трех стрелковых рот и роты противотанковых ружей, командиры взводов, несколько интендантов, военврач и военфельдшер. Помимо этих офицеров, в ротах на постоянной основе служили шесть сержантов и красноармейцев (писарь-каптенармус, санинструктор и четыре санитар-носильщика). Также из нештрафников состоял взвод снабжения и предусмотренный штатом позднее комендантский взвод.

Всего по состоянию на 15 августа 1942 года в 1-м отдельном штрафном батальоне числились 95 военнослужащих постоянного состава (из них 29 сверх штата до особого распоряжения). Это были проверенные боями люди. Командира и военного комиссара ОШБ подбирал и утверждал Военный совет фронта. Комбату и штабу разрешалось подыскивать подходящих командиров рот и взводов в Отдельном полку резерва офицерского состава (ОПРОС) и отчислять тех, кто надежд не оправдывал.

Снятие офицеров с занимаемых ими должностей имело место. Так, в одном из приказов командира 1-го отдельного штрафного батальона мы читаем: «За попытку уклонения от командировки к передовой линии фронта, командира стрелковой роты капитана Юхту Ивана Даниловича от занимаемой должности отстраняю, направляю в отдел кадров фронта и ходатайствую перед Военным советом о снижении его в звании до лейтенанта». Также его приказами было откомандировано и несколько командиров взводов.

По решению советского командования трудности службы в отдельном штрафном батальоне для строевых офицеров компенсировалась несколькими моментами. Во-первых, воинские звания для командиров штрафных подразделений были на ступень выше, чем для строевых. Во-вторых, офицеры штрафных частей пользовались льготной выслугой: сутки числили за шесть.

С первых дней августа в 1-й батальон, формировавшийся в селе Самофаловка (ныне Дубовского района Волгоградской области), начали поступать разжалованные в рядовые вчерашние офицеры. Из них начали комплектовать стрелковые роты и роту ПТР.

В последующем 1-й штрафной батальон последовательно перемещался по хуторам Терновка, Попов, Ширяевский. За всю войну он, как и другие штрафные части, ни разу в крупном населенном пункте не размещался, ни одного крупного населенного пункта не освобождал. Он всякий раз решал только вспомогательные задачи, хотя и самые опасные. Важнейшей из них была разведка боем, проводившаяся на фронте предстоящего наступления дивизии с целью вскрытия огневых точек противника.

Еще до непосредственного вступления в бои батальон понес первые потери и были наложены первые дисциплинарные взыскания. Так, 19 августа 1942 года был отправлен в госпиталь раненым первый боец-переменник, старший лейтенант. В тот же день при налете немецкой авиации на станцию Котлубань осколок сразил командира 1-й стрелковой роты капитана Спиридона Черного. Его похоронили в Самофаловке на сельском кладбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.